

DOI 10.15826/qr.2019.2.400
УДК 930.2+94(470-25)+94(470.41-25)

МОСКВА И КАЗАНЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ГЕРМЕНЕВТИКА VS ПОЗИТИВИЗМ?*

Рец. на: Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь:
Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования.
Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 288 с.

Булат Рахимзянов

Институт истории Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

MOSCOW AND KAZAN IN THE MIDDLE AGES: HERMENEUTICS VS POSITIVISM?**

Rev. of: Aksanov, A. V. (2016). *Kazanskoe khanstvo i Moskovskaia Rus':
Mezhgosudarstvennyye otnosheniia v kontekste germenevticheskogo issledovaniia*
[The Kazan Khanate and Muscovite Rus': Interstate Relations in the Context of a
Hermeneutical Study]. 288 p. Kazan, Institut istorii imeni Sh. Marjani AN RT.

Bulat Rakhimzianov

Institute of History of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russia

This review analyses a monograph by Anvar Aksanov, a Kazan-based researcher of interstate relations between the Kazan Khanate and Muscovy during the Khanate's sovereignty. The reviewer analyses the correspondence between the aim of the work and its contents; additionally, he explores the essence and origins of the positivist methodology criticised by A. Aksanov, questioning whether the methods used by Aksanov may be considered hermeneutics. The reviewer also estimates the extent to which the book reflects the contribution of the English-language historiography to the topic. The reviewer examines the strengths and weaknesses of the research, concluding

* Отдельные положения данного обзора опубликованы ранее в тезисной форме [Рахимзянов, 2018].

** Citation: Rakhimzianov, B. (2019). Moscow and Kazan in the Middle Ages: Hermeneutics vs Positivism? In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 669–681. DOI 10.15826/qr.2019.2.400.

Цитирование: Rakhimzianov B. Moscow and Kazan in the Middle Ages: Hermeneutics vs Positivism? // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 669–681. DOI 10.15826/qr.2019.2.400 / Рахимзянов Б. Москва и Казань в Средние века: герменевтика vs позитивизм? // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 669–681. DOI 10.15826/qr.2019.2.400.

ing that Aksanov provides a substantial description of the details of Kazan – Moscow interstate relations insinuated by chroniclers.

Keywords: historiography; A. Aksanov; Golden Horde; Kazan Khanate; Muscovy.

Рассматривается работа казанского исследователя А. В. Аксанова, посвященная московско-казанским отношениям периода независимости Казанского ханства. Анализируется соответствие цели работы ее фактическому содержанию. Выявляются суть и истоки позитивистской методологии, которую критикует А. В. Аксанов. Ставятся вопросы, является ли применяемая А. В. Аксановым методология герменевтикой, и насколько в монографии показан вклад англоязычной историографии. Выявляются плюсы и минусы исследования. Автор приходит к выводу, что А. В. Аксанов конструктивно обозначил, что именно в летописных известиях по вопросу межгосударственных отношений между Казанью и Москвой является инсинуацией летописцев.

Ключевые слова: историография; А. В. Аксанов; Золотая Орда; Казанское ханство; Московское государство.

Одним из белых пятен истории является тема Казанского ханства. После книги М. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», вышедшей еще в 1923 г., до сих пор не появилось обобщающего труда, который бы позволил отвести этой работе роль только историографического источника.

Работа А. В. Аксанова «Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования» несомненно послужит очередным «кирпичиком» для выстраивания обобщающей истории Казанского ханства. Казалось бы, автор избрал неплохо освещенный в историографии аспект – московско-казанские отношения XV–XVI вв. Впечатляют даже русскоязычные монографические тексты [Вельяминов-Зернов; Худяков; Алишев; Исхаков; Исхаков, Измайлов; Котляров]. Однако В. В. Вельяминов-Зернов, активно использовавший в вопросе реконструкции московско-казанских отношений русские летописи, не вышел за рамки «позитивного» доверия их сообщениям. М. Г. Худяков активно пользовался фактографией работы Вельяминова-Зернова, но его выводы зачастую противоречат заключениям петербургского востоковеда. Работа С. Х. Алишева в рассматриваемом аспекте является переложением работы Худякова. Современный национальный татарский подход к проблеме обозначили соавторы Д. М. Исхаков и И. Л. Измайлов.

Как один из авторов, также затрагивавший данный вопрос [Рахимзянов, 2009, с. 106–111, 140–165; Рахимзянов, 2016, с. 41–53, 92–108], могу сказать, что эта тема еще далека от раскрытия в полном объеме. Одной из причин этого, кроме «источникового голода», являются разные методологические подходы историков. В советский период

«лицензию» на написание исторических исследований выдавали только тем специалистам, которые работали в рамках позитивистской методологии. В рамках этой «актуальной» методологии до сих пор пишется большинство работ как по российской средневековой истории, так и по истории тюрко-татарских государств Центральной Евразии, выходящих из-под пера российских авторов. Это направление в методологии исторической науки, определяющее единственным источником истинного, действительного знания эмпирические штудии (в нашем историческом случае это источниковедческие процедуры и критика текста) и умаляющее познавательную ценность философского (в нашем случае аналитического) исследования.

Все эти концептуальные установки весьма специфически легли на почву исторических исследований в Российской империи, СССР и современной Российской Федерации. В XIX в. позитивизм являлся основной методологией, на основе которой писались исторические исследования. Кратковременный период апробирования новых методологий, имевший место в 1930-е гг., вновь сменился засильем позитивистской линии в истории. И это неудивительно, так как «философствовать» (анализировать, как результат – принимать решения) разрешалось только представителям политической элиты, уделом же историков стало в основном политически нейтральное источниковедение. Исследовать архивы, готовя документы к публикации, было безопаснее, чем заниматься аналитикой. В период 1917–1991 гг. «советские историки упустили многие новые тенденции западной историографии с 30-х по 90-е гг. XX века» [Дэвид-Фокс, Холквист, По]. После распада СССР эти тенденции проникли на территорию России, однако стало понятно, что далеко не все из них могут быть успешно использованы с учетом источниковой ситуации по отечественной истории. Спасительной соломинкой в этой ситуации вновь стал давно апробированный позитивизм.

Действительно, если почитать цитируемые в книге А. В. Аксанова работы А. Г. Бахтина, Д. А. Котлярова, С. Х. Алишева, становится ясно, что методология, которой пользовался еще Н. М. Карамзин, не потеряла своей привлекательности. К примеру, Д. А. Котляров во введении к своей работе заявляет, что в его книге «прослеживается активное участие народных масс Поволжья в политической жизни» [Котляров, с. 7]. Каким образом можно проследить это «активное участие» на материале летописей, основного источника Д. А. Котлярова, составители которых никоим образом к «народным массам» не относились и выражали отнюдь не их чаяния и устремления, автор умалчивает. Однако в заключении к своей работе он без тени сомнения заявляет: «Основная масса русского¹ населения поддерживала

¹ В контексте риторики автора после слова «русского» так и просится «трудового» (населения), однако Д. А. Котляров почему-то воздержался от такого прилагательного.

принятый правительством курс на ликвидацию очага военной опасности в Среднем Поволжье и создание условий для мирного взаимодействия с поволжскими народами» [Котляров, с. 292]. Каким-то образом Д. А. Котлярову удалось проникнуть в сознание средневекового «русского населения» и осведомиться о его мыслях, хотя само это «население» не оставило аутентичных источников, позволяющих судить о его уמוнастроениях в это время.

Имея специфическое представление о том, что такое источник, как с ним работать, как «извлекать» из него то же самое позитивистское знание, авторы без труда разрешают такие сложные проблемы, как причинно-следственные связи средневековых политических конфликтов, цели и мотивации изучаемых ими персонажей, их желания, движущие силы и т. д. При этом они грешат анахронизмом, вкладывая зачастую мысли человека XX и XXI в. в умы людей XV и XVI в., перенося современные реалии на давно минувшие события.

Многие из пишущих по этой тематике не знакомы с классическим для историографии англосаксонского мира трудом Э. Л. Кинана по истории московско-казанских отношений, защищенным автором еще в 1965 г. в Гарварде, – «Московия и Казань, 1445–1552 гг.: исследование степной политики»². Из этой работы видно, какие неординарные выводы можно извлекать из, казалось бы, весьма «заезженных» текстов, какую методологию можно использовать, изучая историю московско-татарских отношений.

Э. Кинан отметил, что в целом доверять русским летописям в вопросе реконструкции политических реалий, царивших в отношениях между Москвой и татарскими государствами, непродуктивно и даже ошибочно: «их (летописи. – Б. Р.) можно использовать с большой осторожностью и только тогда, когда никакие другие дополнительные источники не могут быть привлечены» [Keenan, 1967]. Исследователь обратил внимание на посольские дела как на документы, которые, по его мнению, были незаслуженно отброшены тенденциозными русскими и советскими историками как шедшие вразрез с излагаемыми ими (и авторами летописей) идеями. При этом исследователь не считал, что летописи совсем «безнадежны» в плане реконструкции политических реалий. По его мнению³, в летописях имеются вставки из дипломатических документов, которые имеют разную степень редактирования составителем, варьирующуюся от сильного комментирования оригинального текста до минимальных правок в виде стилистической корректировки времени изложения (с прошедшего в дипломатических документах до специфического настоящего) и т. д. [Keenan, 1965, p. 34–38].

² К сожалению, труд остался неопубликованным. Это не стало препятствием на пути его широкого цитирования практически во всех обзорных трудах по истории России, издаваемых в англоязычном мире. См.: [Keenan, 1965].

³ Которое он заимствовал у советских историков – специалистов по летописям. См.: [Keenan, 1965, p. 33, note 78].

Нельзя сказать, что все мысли гарвардского профессора были безоговорочно приняты медиевистами, работающими на поле истории Московского государства за пределами России. Американский историк украинского происхождения И. Шевченко отметил, что тезис Э. Кинана в отношении русских летописей верен лишь отчасти: их действительно непродуктивно использовать для реконструкции политических реалий XV–XVI вв. из-за ангажированности, однако если мы хотим узнать, как происходила легитимизация тех или иных событий со стороны Москвы, они вполне репрезентативны [Sevcenko, p. 541–547]. Мысли Шевченко нашли поддержку среди историков США. Ярослав Пеленски в книге *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology* (1438–1560s) в основном опирался на анализ той базы источников, которая была так низко оценена Э. Кинаном, – на московские летописи XV–XVI вв. [Pelenski]. Им был проанализирован идеологический аспект взаимоотношений Московии и Казанского ханства [Петухов, с. 75–76, 101–102].

Очевидно, дипломатические документы, которые предлагал использовать Э. Кинан, неполны, и их данные должны быть дополнены на основе других текстов. Летописи оказываются незаменимы при восстановлении фактографической стороны событий. К примеру, в летописи XVI в. вносились важнейшие факты из посольских книг, в частности даты приема и отправления иностранных посольств, что служит средством восполнения недостающей информации в случае отсутствия посольской книги за соответствующий период [Рогожин, с. 53]. По мере деградации летописного жанра на протяжении XVI в. в летописи чаще стали вносить неотредактированные данные из посольских книг, что повышает ценность данной информации (см.: [Keenan, 1965, p. 31–38]). Одним из примеров продуктивного подхода к летописной информации служит статья М. В. Моисеева, в которой автор показывает, какую верифицируемую информацию можно извлечь из летописных известий [Моисеев, 2013].

Пример критического подхода к тексту источника представляет из себя монография Анвара Аксанова.

Во введении к работе автор заявляет, что «в настоящем исследовании впервые предпринята попытка рассмотреть сообщения о казанско-московских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа, применив методику, успешно апробированную И. Н. Данилевским... Данный научный подход позволяет раскрыть смысловую нагрузку известий, избежать модернизации исторических явлений и верифицировать результаты предшествующих исследований» (с. 6)⁴. Автор намеревается «представить научно-адекватный взгляд на историческую действительность» (с. 7), решив подойти к русским летописям с позиций

⁴ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

герменевтического анализа, используя методику, успешно апробированную, например, И. Н. Данилевским [Данилевский, 2004; Данилевский, 1998, с. 171–317; и др.]. При этом А. Аксанов поставил задачу «разглядеть» сквозь завесу летописного текста подлинное содержание того, что было «на самом деле», и понять, как это преобразилось в умах летописцев в стройные концепции.

Насколько структура работы адекватна данному замыслу? В первой главе традиционно рассмотрены источники и литература, в заголовках последующих глав (второй – «Становление казанско-московских отношений (1445–1487 гг.)», третьей – «Казанско-московские отношения в 1487–1521 гг.: от союза к противостоянию», четвертой – «Межгосударственные отношения в годы правления крымских и касимовских ханов в Казани (1521–1549 гг.)», пятой – «Падение Казани (1549–1552 гг.)») реконструируется политическая история московско-казанских (или казанско-московских? – источники уведут нас в сторону противоположного варианта) отношений. Автор не задавался целью рассмотреть сообщения о казанско-московских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа, в противном случае структура работы должна была бы быть иной. Структура монографии ближе к традиционному позитивистскому исследованию.

Об этом же свидетельствует название работы – «Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования» (курсив мой. – Б. Р.). Герменевтика здесь выступает именно как контекст, но не как суть работы. Однако автор соединил две трудносовместимые цели – текстологический анализ и желание реконструкции исторической действительности. Последнее почти противоречит первому, и это сказалось на всем исследовании. Мне было не до конца ясно, что же все-таки делает автор – реконструирует историческую действительность или занимается текстологией летописей? По-видимому, перед нами попытка извлечь из текста летописей ту информацию, которая сквозь дебри летописных известий ведет нас к «объективной реальности».

Это подтверждается анализом заключительных пассажей к каждой главе и итоговым заключением. Они содержат реконструкцию политической истории московско-казанских отношений и истории Казанского ханства, как она видится автору книги, исходя из текстологического анализа летописных известий, но не выводы непосредственно по нему. Следовательно, основная цель автора – реконструкция политических реалий взаимоотношений двух государств при помощи методов герменевтики и текстологического анализа, но не герменевтика и текстологический анализ летописных известий как таковые. Цель вполне достойная, однако после прочтения книги складывается впечатление, что автором она не вполне осознается.

Автор чужд крайностей позитивистских реконструкций. А. В. Аксанов обоснованно критикует превратно применяемый «позитивизм»

некоторых исследователей, в частности, Д. А. Котлярова. Последний, по словам А. В. Аксанова, стремился «изобразить единственно возможную и абсолютно объективную реальность» (с. 32), что у критически мыслящего историка уже должно вызывать подозрения. А. В. Аксанов пишет: «термины “национальное возрождение” и “национальное государство” (которыми активно пользуется Д. А. Котляров. – Б. Р.) являются сегментами идиоматического словаря ученого, имеющими мало общего с реальными социальными, политическими и, тем более, ментальными практиками средневековой Руси. Данная терминология складывается в XVIII в., а в практике международных отношений стала использоваться только в XIX в.» (с. 32–33). Как итог А. В. Аксанов отмечает, что некоторые тезисы Д. А. Котлярова не вытекают из его логических посылов и не согласуются с данными источников, следовательно, они всецело продиктованы авторским концептом (с. 34). Можно добавить, что все сказанное А. В. Аксановым относится не только к Д. А. Котлярову, но и ко многим другим историкам.

Общая схема построения основной части работы А. В. Аксанова такова. Сначала приводится факт или набор фактов (видимо, вошедший во все изученные летописи), затем дается его интерпретация авторами исследований – историками, после этого дается текстологический анализ разных летописей в отношении данного известия (как оно интерпретировалось различными летописцами и чему из этого можно верить, а чему не стоит). Повествование идет в хронологическом порядке как политическая история, реконструированная на основе сообщений летописей (видимо, тех, которым автор доверяет). Периодически в эту «позитивно-летописную» реконструкцию вкрапляются данные других видов источников (сообщения иностранцев, посольские документы, разрядные книги). Автор пытается понять, что из летописных известий подтверждается «независимыми» источниками (выражение А. В. Аксанова), а что – нет. Не уточняется, правда, от кого или чего «независимы» эти «альтернативные» виды источников.

Во вводной главе автор пишет, что «на протяжении веков историки, руководствуясь разными оценочными принципами, пытались достичь общей цели – реконструировать московско-казанские отношения» (с. 36). При этом они, «подчас не аргументируя свой выбор, отдавали предпочтение сообщениям то одного, то другого свода. Так, например, Н. М. Карамзин, К. В. Базилевич, А. Г. Бахтин и Д. А. Котляров опирались в основном на известия великокняжеского летописания, а С. М. Соловьев, М. Г. Худяков и С. Х. Алишев, пытаясь опровергнуть некоторые устоявшиеся положения, делали ставку на Новгородские и Устюжские летописи» (с. 36). По мнению автора, это происходило потому, что «многие наши предшественники работали, следуя установкам... объективистско-позитивистской парадигмы» – «моделированию... единственно возможного прошлого» (со ссылкой на О. М. Медушевскую и М. Ф. Румянцеву), то есть реконструировали объективную картину исторической действительности (с. 37). Этими

позитивистскими историками «источник воспринимался... как хранилище фактов, которые можно выделить с помощью критического метода» (там же). А. В. Аксанов заключает: «...едва ли стоит говорить о возможности объективно реконструировать ход московско-казанских отношений. В связи с этим в основе нашего изыскания лежит иной принцип научного анализа, согласно которому *в основе исторического познания находится понимание источника*. Иначе говоря, *наши усилия направлены на изучение картины московско-казанских отношений посредством реконструкции источниковой репрезентации событий* (курсив мой. – Б. Р.) » (с. 37–38).

Однако такое «направление усилий» есть не что иное, как та же самая позитивистская парадигма, против которой столь последовательно выступает автор книги. Более того, второе из процитированных предложений несколько противоречит третьему. Надо разобраться, все же автор пытается понять источник или изучает картину московско-казанских отношений? Понятно, что второе без первого невозможно, а вот первое без второго вполне возможно как самостоятельное исследование. Здесь важен акцент исследования, который, исходя из этой части текста, остался непонятным. Охарактеризованный комплекс источников исследования А. В. Аксанова также больше подходит для «реконструкции объективной реальности», но не для герменевтического анализа летописных текстов (с. 47–49).

В целом критически относясь к трудам своих предшественников, автор постоянно опирается на историографию вопроса (в основном русскоязычную), приводя достаточно обширные цитаты из текстов предыдущих исследователей. Он как бы дискутирует с ними, показывая, кто и в чем был прав, а кто не прав. Такая идея заочного «спора» с предыдущими нарратологами кажется излишней и неоправданно отягощающей текст книги, учитывая тот факт, что многие историки критерием доверия данных источников делали «здравый смысл», по выражению А. Аксанова.

Удивляет выборочность в изучении историографии вопроса, особенно иностранной. Безусловно, это право автора – рассматривать или не рассматривать ту или иную работу в историографическом обзоре и исследовании в целом, однако недостаточная репрезентативность авторской выборки является упущением. В частности, автор не упомянул приведенную выше диссертацию Э. Кинана и работу Я. Пеленски [Pelenski].

В ряде случаев автор использует спорные тезисы известных авторов без каких-либо дополнительных аргументов, чем делает свой текст уязвимым для критики (например, тезис А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич о том, что «венчание уравнивало статус Ивана IV с казанскими и астраханскими ханами» (сноска 151 на с. 194)). Некоторые пассажи автора вызывают искреннее недоумение. Например, А. В. Аксанов пишет, что К. В. Базилевич «использовал практически ту же источниковую базу, что и М. Г. Худяков» (с. 19), тогда как Худяков реконстру-

ировал историю Казанского ханства в основном по русским летописям (вслед за В. В. Вельяминовым-Зерновым), а К. В. Базилевичем был привлечен широкий круг источников, в числе которых и ранее не ввопившиеся в научный оборот материалы [Базилевич].

Иногда А. В. Аксанов ссылается на издания источников, которые явно устарели, и пользоваться ими специалисты не рекомендуют. Это «Продолжение древней российской вивлиофики» (ПДРВ), изданное в XVIII в. [Продолжение древней российской вивлиофики]. При этом некоторые из публикаций ПДРВ были в последнее время переизданы на современном уровне, и автору они известны (см.: [Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг.]). В ряде случаев автор использует предыдущее издание источника в ущерб более современному и качественному, хотя имеется более современная версия издания (ср.: [Герберштейн, 1988; Герберштейн, 2008]). А. В. Аксанов упустил некоторые важные публикации источников, в частности, указывая на с. 47, что «многие документы посольского архива XV–XVI вв. опубликованы», и, приводя их, забыл указать другие не менее важные (см.: [Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.; Лашков, 1891; Лашков, 1892; Путешествия русских послов XVI–XVII вв.; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг.; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.); Моисеев, 2003; Комисаренко, Моисеев]). Зачастую автор книги ссылается на более ранние работы авторов, неоднократно писавших по одному и тому же вопросу, хотя со временем некоторые из этих статей оформились в монографии.

Безусловно, работа А. В. Аксанова содержит в себе намного больше плюсов, чем минусов. Автор тонко подмечает нюансы терминологии летописцев, позволявшие заказчикам летописей – политической элите Московского княжества – легитимизировать свои экспансионистские устремления в отношении земель, ранее никогда им не принадлежавших. Говоря о событиях июня-июля 1546 г., когда казанцы лишили престола сначала московского ставленника Шах-Али, а затем представителя Крымского ханства Сафа-Гирея (то есть дважды совершили однопорядковое действие), автор пишет: «Официальные книжники показали, что за короткое время казанцы дважды совершили переворот. Причем, по их формулировке, Сафа-Гирея “согнали”, а Шах-Али “изменили”, то есть власть последнего была законной. Но в первом случае смена власти стала следствием неоправданных гонений со стороны хана после похода воевод на казанские земли, и виновником случившегося выступался Сафа-Гирей. Другое дело – Шах-Али, который был законным правителем (сел на трон по нормам “правды”) и лишился ханского престола в результате “измены”» (с. 187).

Межгосударственные отношения Казанского ханства и Московской Руси неоднократно упоминаются в самых различных летописях. Однако цели, с которыми составлялись данные тексты, как, впрочем,

и сами летописцы, были весьма опосредованно связаны с реальной дипломатией. Функция летописей была идеологической: они довольно искаженно описывают отношения с татарскими ханствами. Сравнивая изложение одних и тех же событий в летописных текстах и дипломатических документах, можно отметить, что летописцы зачастую искажали в угоду своим целям окраску событий, факты которых они позаимствовали из дипломатических источников.

А. В. Аксанов четко обозначил, чему *не стоит верить* в летописных известиях по вопросу межгосударственных отношений между Казанью и Москвой в Средние века. Автор отсеял не относящуюся к политическим реалиям информацию летописцев, отделив зерна от плевел. Эта работа весьма ценна и полезна исследователям соответствующей проблематики. И все-таки осталось не вполне понятным, чему же стоит доверять в летописной информации. Исходя из текста книги, полагаю, что это фактография политических контактов между Москвой и Казанью. Так как некоторые периоды отношений двух государств не освещены в дипломатических документах, это ценная информация для исследователей. Монография написана хорошим слогом, ее приятно читать, хотя книга, видимо, не редактировалась (отсутствует информация о научном и литературном редакторах, корректоре издательства). Но это вопросы современной издательской политики, диктуемые скорее не научными, а иными условиями.

Список литературы

Алишев С. Х. Казань и Москва : Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань : Тат. кн. изд-во, 1995. 150 с.

Базилович К. В. Внешняя политика русского централизованного государства : Вторая половина XV в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. 544 с.

Бахтин А. Г. Русское государство и Казанское ханство : Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. : дис. ... докт. ист. наук. М. : [Б. и.], 2001. 567 с.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах : в 4 ч. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1863. Ч. 1. XIII + 558 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1988. 430 с.

Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 1. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненоверхненемецкого А. В. Назаренко. 776 с.

Данилевский И. Н. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории. М. : РГТУ, 1998. С. 171–317.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет : Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М. : Аспект Пресс, 2004. 384 с.

Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М. Журнал «Критика» и новая наднациональная историография России // Новое лит. обозрение. 2001. № 50. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/50/devid.html> (дата обращения: 12.03.2018).

Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань : Тат. кн. изд-во, 2009. 142 с.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в историю Казанского ханства : очерки. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Респ. Татарстан, 2005. 116 с.

Комисаренко А. И., Моисеев М. В. Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Ист. архив. 2004. № 2. С. 199–209.

Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв. : У истоков национальной политики России. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2005. 294 с.

Лашков Ф. Ф. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. // Изв. Таврич. уч. архив. комиссии. 1891. № 14. С. 41–80.

Лашков Ф. Ф. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 гг. // Изв. Таврич. уч. архив. комиссии. 1892. № 15. С. 70–94.

Моисеев М. В. К истории выезда татар в Россию в XVI веке // Русский дипломатарий. М. : Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 270–272.

Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. № 5. С. 20–30.

Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. / ред. Ф. Ф. Лашков. Симферополь : Тип. газ. «Крым», 1891. 224 с.

Петухов А. В. У истоков многонационального государства : Восточная политика России XVI века в освещении англо-американской историографии. Чебоксары : Новое время, 2013. 168 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / подг. к печати, введение и коммент. В. В. Трепавлова. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2003. 95 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. / сост. Б. А. Кельдасов, Н. М. Рогожин, Е. Е. Лыкова, М. П. Лукичев. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой : 1551–1561 гг. / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань : Тат. кн. изд-во, 2006. 391 с.

Продолжение древней российской вивлиофики : в 11 ч. СПб. : Императ. акад. наук, 1786–1801.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 491 с.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.) : очерки истории. Казань : Тат. кн. изд-во, 2009. 207 с.

Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб. : Евразия, 2016. 396 с.

Рахимзянов Б. Р. Казанское ханство в русских летописях // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 408–410.

Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М. : Ин-т рос. ист. РАН, 1994. 223 с.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М. : Инсан, 1991. 320 с.

Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a Study in Steppe Politics : PhD Dissertation. Harvard Univ. : [S. n.], 1965. 7 + XIII + 429 p.

Keenan E. Muscovy and Kazan : Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Rev. Vol. 26. 1967. № 4. P. 548–558.

Pelenski J. Russia and Kazan : Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). Paris : Mouton, 1974. 368 p.

Sevcenko I. Muscovy's Conquest of Kazan : Two Views Reconciled // Slavic Rev. Vol. 26. 1967. № 4. P. 541–547.

References

Alishev, S. Kh. (1995). *Kazan 'i Moskva: Mezghosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: Interstate Relations in the 15th–16th Centuries]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 150 p.

Bakhtin, A. G. (2001). *Russkoe gosudarstvo i Kazanskoe khanstvo: Mezghosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vv.* [The Russian State and the Kazan Khanate: Interstate Relations in the 15th–16th Centuries]. Dis. ... doktora istoricheskikh nauk. Moscow, S. n. 567 p.

Bazilevich, K. V. (1952). *Vneshnyaya politika russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: Vtoraya polovina XV v.* [Foreign Policy of the Russian Centralised State: Second Half of the 15th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 544 p.

Danilevskii, I. N. (1998). Istoricheskie istochniki XI–XVII vekov [Historical Sources of the 11th–17th Centuries]. In *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 171–317.

Danilevskii, I. N. (2004). *Povest' vremennykh let: Germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: Hermeneutical Bases for the Source Study of Chronicles]. Moscow, Aspekt-Press. 384 p.

David-Fox, M., Holquist P., Poe, M. (2001). Zhurnal “Kritika” i novaya, nadnatsional'naya istoriografiya Rossii [Kritika and the New Supranational Historiography of Russia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie* No. 50. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/50/devid.html> (mode of access: 12.03.2018).

Herberstein, S. (1988). *Zapiski o Moskovii* [Notes about Muscovy] / transl. by A. I. Malein and A. V. Nazarenko; ed. by V. L. Yanin. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 430 p.

Herberstein, S. (2008). *Zapiski o Moskovii v 2 t.* [Notes about Muscovy. 2 Vols.] / ed. by A. L. Khoroshkevich. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 1. Latinskii i nemetskii teksty, russkie perevody s latinskogo A. I. Maleina i A. V. Nazarenko, s rannenovo-verkhnenemetskogo A. V. Nazarenko. 776 p.

Iskhakov, D. M. (2009). *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [The Turko-Tatar States of the 15th–16th Centuries]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 142 p.

Iskhakov, D. M., Izmailov, I. L. (2005). *Vvedenie v istoriyu Kazanskogo khanstva. Ocherki* [Introduction to the History of the Kazan Khanate. Essays]. Kazan', Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 116 p.

Keenan, E. (1965). *Muscovy and Kazan, 1445–1552: A Study in Steppe Politics*. PhD Dissertation. Harvard Univ., S. n. 7 + XIII + 429 p.

Keenan, E. (1967). Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy. In *Slavic Rev.* Vol. 26. No. 4, pp. 548–558.

Kel'dasov, B. A., Rogozhin, N. M., Lykova, E. E., Lukichev, M. P. (Eds.). (1995). *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi 1489–1549 gg.* (1995) [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde, 1489–1549]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 360 p.

Khudyakov, M. G. (1991). *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow, Insan. 320 p.

Komisarenko, A. I., Moiseev, M. V. (2004). Astrakhanskoe khanstvo po dokumentam nogaiskoi posol'skoi knigi za 1551–1556 gg. [The Astrakhan Khanate according to Documents of the Nogai Ambassadorial Book for 1551–1556]. In *Istoricheskii arkhiv*. Vol. 2, pp. 199–209.

Kotlyarov, D. A. (2005). *Moskovskaya Rus' i narody Povolzh'ya v XV–XVI vv.: U istokov natsional'noi politiki Rossii* [Muscovite Russia and the People of the Volga Region in the 15th–16th Centuries: At the Roots of the National Policy of Russia]. Izhevsk, Udmurtskii universitet. 294 p.

Lashkov, F. F. (1891). Stateinyi spisok moskovskogo poslannika v Krym Ivana Sudakova v 1587–1588 gg. [The State List of the Moscow Envoy in the Crimea Ivan Sudakov in 1587–1588]. In *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. No. 14, pp. 41–80.

Lashkov, F. F. (1892). Stateinyi spisok moskovskogo poslannika v Krym Semena Bezobrazova v 1593 gg. [The State List of the Moscow Envoy in the Crimea Semen Bezobrazov in 1593]. In *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. No. 15, pp. 70–94.

Lashkov, F. F. (Ed.). *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Krymskago khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII vv.* (1891) [Artefacts of the Diplomatic Relations of the Crimean Khanate with the Muscovite State in the 16th and 17th Centuries]. Simferopol', Tipografiya gazety “Krym”. 224 p.

Likhachev, D. S. (Ed.). (1954). *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateinye spiski* [Trips of the Russian Ambassadors of the 16th–17th Centuries. Stateiny Lists]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 491 p.

Moiseev, M. V. (2003). K istorii vyezda tatar v Rossiyu v XVI veke [On the History of the Departure of Tatars to Russia in the 16th Century]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, Drevlekhranilishche. Iss. 9, pp. 270–272.

Moiseev, M. V. (2013). Politicheskaya bor'ba kazanskoi znati: istoriografiya i russkie istochniki [The Political Struggle of the Kazan Nobility: Historiography and Russian Sources]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. No. 5, pp. 20–30.

Mustafina, D. A., Trepavlov, V. V. (Eds.). (2006). *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1551–1561 gg.* [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 391 p.

Pelenski, J. (1974). *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. Paris, Mouton. 368 p.

Petukhov, A. V. (2013). *U istokov mnogonatsional'nogo gosudarstva. Vostochnaya politika Rossii XVI veka v osveshchenii anglo-amerikanskoi istoriografii* [At the Origins of a Multinational State. The Eastern Policy of Russia in the 16th Century in Anglo-American Historiography]. Cheboksary, Novoe vremya. 168 p.

Prodolzhenie drevnei rossiiskoi vivilofiki v 11 ch. [A Continuation of Ancient Russian Bibliotheca. 11 Parts]. (1786–1801). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Rakhimzyanov, B. R. (2009). *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552). Studies in History]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 207 p.

Rakhimzyanov, B. R. (2016). *Moskva i tatarskii mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen, XV–XVI vv.* [Moscow and the Tatar World: Cooperation and Confrontation in the Age of Change, 15th–16th Centuries]. St Petersburg, Evraziya. 396 p.

Rakhimzyanov, B. R. (2018). Kazanskoe khanstvo v russkikh letopisyakh [The Kazan Khanate in Russian Chronicles]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 18. Iss. 3, pp. 408–410.

Rogozhin, N. M. (1994). *Posol'skie knigi Rossii kontsa XV – nachala XVII v.* [Ambassadorial Books of Russia of the Late 15th – Early 17th Centuries]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 223 p.

Sevcenko, I. (1967). Muscovy's Conquest of Kazan: Two Views Reconciled. In *Slavic Rev.* Vol. 26. No. 4, pp. 541–547.

Trepavlov, V. V. (Ed.). (2003). *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi (1576 g.)* [The Ambassadorial Book on Russia's Relations with the Nogai Horde (1576)]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 95 p.

Vel'yaminov-Zernov, V. V. (1863). *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh v 4 ch.* [Studies on the Kasimov Tsars and Tsareviches. 4 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Part 1. XIII + 558 p.

The article was submitted on 16.03.2018